

МЕЛИССА МОРАН

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Мелисса Моран

Полярная ночь

<https://litres.ru/74233269>

SelfPub; 2026

Аннотация

В приюте «Северный маяк» не наступает темноты.

Он стоит на краю тундры, где полярная ночь длится месяцами, а северное сияние не считают красивым. Его называют гниющим небом. Сюда привозят детей, от которых отказались. Здесь они учатся молчать, терпеть и выживать.

Айвори — белое пятно среди серых стен. Девочка с пустыми глазами, которая не чувствует холода и не помнит, откуда пришла. Её мучают, но она не плачет. Её презирают, но она не злится. Она просто ждёт.

Ждёт голоса из тундры.

Однажды ночью она уходит. Босиком по снегу, в одном платье, туда, где небо встречается с землёй. За ней отправляются те, кто когда-то делал ей больно.

Но тундра не прощает прошлого. Она переписывает его заново — превращая людей в зверей, страх — в силу, а молчание — в голос, который невозможно заглушить.

«Полярная ночь» — это ледяная сказка о том, как стать собой, когда весь мир говорит, что ты — ошибка. И о том, что даже в самой глубокой тьме можно найти свет.

Содержание

Акт 1. Белое пятно	4
Глава 1. Небо гниёт	5
Глава 2. На пороге	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Полярная ночь

Акт 1. Белое пятно

Глава 1. Небо гниёт

Зимой в приюте «Северный маяк» не наступает

Темнота здесь всегда. Просто ночью небо чёрное, густое. А днем — с яркими зелёными прожилками северного сияния. Никто из детей не называет его красивым. Те, кто живёт здесь дольше трёх зим, говорят иначе: «Небо гниёт. Смотри, как оно шевелится».

И оно действительно шевелится. Медленно, как живая плоть. Полосами перетекает из зелёного в фиолетовый, из фиолетового в красный — цвет запёкшейся крови под тонким льдом. Айвори смотрит на это свечение каждую ночь. Она не может спать в темноте — для неё темноты не существует. Только бесконечный, пульсирующий свет, который просачивается сквозь веки, даже когда она их закрывает.

Сегодня она проснулась за час до побудки. Как всегда. Как каждую ночь за последние десять лет.

Она лежит на боку, подтянув колени к животу — поза эмбриона, поза защиты, которой никто не учил, но её знает каждый ребёнок, переживший первую зиму в этом месте. Дыхание девочки почти невидимо: тонкое облачко пара, которое тает раньше, чем успевает подняться к потолку. Щёки впалые, губы потрескались, белые ресницы слиплись от дыхания.

Айвори открывает глаза.

В комнате спят сорок детей. Сорок тел под серыми одеялами. Кто-то всхлипывает во сне — это маленький Томас, которого привезли месяц назад, он всё ещё зовёт мать. Кто-то скрипит зубами — это Финн, его бьют старшие, когда никто не видит. Кто-то лежит неподвижно, и только по слабому подъёму одеяла можно понять, что он ещё жив.

Айвори не смотрит на них. Она смотрит на окно.

Морозный узор на стекле напоминает карту: реки, русла, устья, разветвления. Ей кажется, что если всмотреться достаточно долго — дольше, чем позволяют силы, дольше, чем может выдержать человеческий глаз — то можно увидеть, куда ведёт каждая линия. За десять лет она изучила все изгибы этого узора. Он меняется каждую неделю, но всегда остаётся узнаваемым. Как будто кто-то рисует его снаружи, водя пальцем по замёрзшему стеклу.

Она знает, что это не ветер. Ветер не умеет рисовать.

Иногда, когда все спят, она слышит голос. Не ветер, не скрип половиц. Что-то другое — низкое, древнее, как треск льда под ногами. Он зовёт её по имени. Но она пока не знает, кто это. И не хочет знать. Потому что если узнает — придётся уйти.

Глава 2. На пороге

Десять лет назад Айвори появилась на пороге приюта «Северный маяк».

Стояло утро — если, конечно, можно назвать утром серые сумерки, которые длятся с десяти до двух. Снег валил третий день подряд, и дороги не существовало. Собаки в конуре выли — не лаяли, а именно выли, низко и протяжно, как будто чувствовали что-то, чего не чувствовали люди.

Старый кучер по имени Эйнар прожил в тундре сорок лет. Он вышел на крыльцо, прислушался и сплюнул сквозь зубы.

— Медведь, — сказал он. — Чуют.

Сестра Игнесс перекрестилась.

— Какие медведи в декабре? Они спят.

— Сытые медведи спят, — ответил Эйнар и ушёл в сарай.

— А голодные — нет.

Сестра Игнесс вышла на крыльцо, чтобы проверить, не завалило ли дверь. Она всегда выходила первой — потому что боялась, что кто-то из детей сбежит, а кто-то из взрослых не доложит. В приюте «Северный маяк» верили только своим глазам.

Она открыла дверь — и остановилась.

На крыльце, прямо на голом камне, лежал свёрток.

Это была шкура белого медведя. Старая, с желтоватым от-

тенком, с длинной свалявшейся шерстью, которая всё ещё хранила тепло живого зверя. Шкура была свёрнута конвертом, перевязана полоской замши, и изнутри не доносилось ни звука.

Сестра Игнесс перекрестилась. Потом наклонилась. Развязала узел.

Внутри оказалась девочка.

Трёх лет, не больше. Кожа — белая, как бумага, как первый снег, как молоко, которое дают умирающим. Волосы — белые, тонкие, почти прозрачные. Глаза — закрыты. Она не плакала. Не дышала. Сестра Игнесс подумала, что это уже труп — замёрзший, брошенный, принесённый медведем.

Но девочка открыла глаза.

И в них не было ничего. Ни страха, ни боли, ни благодарности за то, что её нашли. Только пустота — глубокая, холодная, как прорубь в январе. И в этой пустоте сестра Игнесс увидела на секунду нечто такое, от чего у неё свело живот. Она не смогла бы описать это словами. Только знала: этот ребёнок — не обычный. Этот ребёнок пришёл из тундры. И тундра не отпускает своих просто так.

Девочку внесли в тепло. Отмыли от грязи и крови — на шкуре были тёмные пятна, не звериные. Завернули в чистое бельё. Давали молоко с мёдом, но она не пила — просто смотрела в стену, не мигая, часами. Ей дали имя Айвори — за цвет кожи. Никто не знал, как её звали на самом деле. Никто не знал, откуда она. Никто не хотел знать наверняка.

Через неделю медвежью шкуру выбросили. Собаки были ещё три дня, а потом замолчали навсегда — те, что были, все до одной умерли к весне. Ветврач сказал — чумка. Но старый кучер Эйнар только покачал головой.

Ни один пёс в округе не согласился есть из миски, в которую положили мясо на следующий день. Эйнар потом говорил, что такого не было за все его годы. Даже чумка так не работает.

Он знал: собаки чувствуют то, чего не видят люди. И если они воют на то, что пришло из тундры — значит, это не к добру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.